

принцип персональной ответственности эксперта за полноту проведенного исследования, обоснованность и достоверность представленного заключения.

Частнонаучные принципы судебной лингвистической экспертизы – стержневые требования, которые могут быть использованы как экспертами-лингвистами в процессе их работы, так и судебными органами при оценке качества экспертного лингвистического исследования.

1. Принцип допустимого (надлежащего) объекта судебной лингвистической экспертизы. Объект – устное или письменное речевое произведение, зафиксированное на электронном или бумажном носителе, – должен иметь «разумный объем» и быть передан эксперту-лингвисту в виде текста на русском или белорусском языке (или в переводе на один из указанных языков), также может представлять собой креолизованный текст. В случае если исследованию подлежит содержание устного речевого произведения, то проведение судебной лингвистической экспертизы возможно при соблюдении ряда условий: 1) аудио- или видеозапись зафиксирована на компакт-диске и в установленном порядке приобщена к материалам дела; 2) имеется текст дословного содержания аудио- или видеозаписи, расшифрованный экспертом-фоноскопистом и пригодный для смысловой интерпретации, что означает: текст представлен в орфографической записи; знаки препинания в тексте расставлены в соответствии с пунктуационными нормами русского (белорусского) языка (а не по синтагмам); невербальные проявления в речи (плач, смех, крик, покашливание и т. д.) и особенности ситуации коммуникации описаны вербально в форме комментария, а в случае экспертизы видеозаписи отмечены жесты и действия, сопутствующие речи лиц, участвовавших в разговоре; реплики участников разговора дифференцированы и атрибутированы.

Если исследованию подлежит текст, размещенный в сети Интернет, эксперту должно быть представлено качественное изображение соответствующей интернет-страницы в виде скриншота с указанием момента фиксации, а также протокол закрепления и (или) осмотра объекта. При наличии ссылок, комментариев и т. п., относящихся к подлежащему экспертизе тексту, их содержание также должно быть зафиксировано и представлено эксперту в виде скриншотов.

Если эксперту представлены фрагменты речевого произведения, то он обязан направить ходатайство о представлении дополнительных материалов, чтобы исследовать текст целиком.

Речевой материал должен быть направлен на исследование в форме, исключающей возможность его подмены (надлежащим образом упакован, снабжен пояснительными надписями и печатями). Тексты не должны содержать купюр, признаков монтажа или какого-либо другого воздействия, нарушающего целостность.

2. Принцип комплексного анализа речевого произведения. При широком понимании данного принципа речь идет о комплексной экспертизе с участием не только экспертов-лингвистов, но и специалистов в других областях научного знания: психологов, социологов, культурологов, религиоведов, политологов и др. (например, при анализе текста предположительно экстремистского характера). Принцип комплексности в узком смысле учитывает объем анализа объекта: речевое произведение всегда анализируется полностью, а не только его отдельные компоненты, на которые имеется указание в вопросе эксперту. Это значит, что отдельное высказывание, содержащееся в тексте, анализируется и интерпретируется с учетом всего контекста и коммуникативной ситуации, в которой этот текст был порожден.

Если экспертизе подлежат совокупности публицистических статей, видеofilьмов, интернет-комментариев, листовок и т. п., то кроме отдельного анализа каждого из объектов должна быть проведена оценка предложенных материалов на предмет их связности и взаимозависимости.

3. Принцип состоятельности (теоретико-содержательной валидности) методологии, что предполагает прогнозирование экспертом предварительных результатов исследования и выбор приемов и методов исследования. Рассматриваемый принцип непосредственным образом связан с предыдущим. Д.А. Леонтьев и Г.В. Иванченко подчеркивают, что для эксперта принципиально важно не только видеть разные возможные ходы рассуждений и альтернативные способы аргументации, но и уметь делать выбор между ними исходя из целостного многомерного анализа проблемной ситуации. Нарушение требования полноты анализа может проявиться и в неучете важных для ответа на вопрос аспектов проблемной ситуации, и в придании избыточного значения аспектам, являющимся малоинформативными с точки зрения решения задач экспертизы.

4. Принцип однозначности выводов и отсутствия размывания понятий. При изложении сути данного принципа Е.А. Яковлева и М.В. Аблин обращают внимание на ряд требований: в выводах эксперта-лингвиста не должно содержаться предположений и догадок, экспертное исследование должно быть направлено «от текста», т. е. только через вербализованную в тексте информацию; непосредственно в выводах (а не в исследовательской части экспертного заключения) следует избегать специальных лингвистических терминов; при использовании терминов следует отдавать предпочтение тем, которые являются устоявшимися в базовой науке, общепринятыми.

5. Принцип доступности изложения экспертного заключения. Доступность изложения обеспечивается путем помещения в тексте заключения эксперта пояснений терминов, использованных в ходе анализа.

УДК 343.12

Ю.С. Климович

ОБ ОШИБКАХ В ФОРМУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Представителям юридической науки и специалистам в сфере правоприменения очевидно, насколько важно соблюдение правил юридической техники при конструировании нормативных правовых актов, а также отдельных юридических понятий. По нашему мнению, эта сфера требует если не появления самостоятельной учебной дисциплины, то более углубленного изучения правил юридической техники в учреждениях высшего образования юридического профиля.

В специальной литературе содержатся различные требования, которые предъявляются к формулированию понятий. Большинство из них сводится к тому, что определения должны быть научно обоснованными, достаточными и указывать на ближайшее родовое понятие; не быть избыточными, не содержать порочного круга и тавтологии.

Н.Ф. Ковкель выделяет три вида правил легального дефинирования: формально-логические, лингвистические и юридические. Следовательно, можно вести речь о наличии трех групп дефектов формулирования понятий, которые соответствуют этим правилам. К группе формально-логических дефектов легального дефинирования Н.Ф. Ковкель относит: дефект неэлиминируемости, т. е. невозможность осуществить замену *definiendum* на *definiens* легальной дефиниции в текстах нормативных правовых актов; дефект порочного круга в легальной дефиниции (непосредственного или опосредованного); дефект нетождественности структур терминов *definiendum* и *definiens* легальной дефиниции; дефект неоднозначности легальной дефиниции; дефект противоречивости легальной дефиниции; отрицательный характер легальной дефиниции.

Следует отметить, что ст. 6 «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» УПК Республики Беларусь уже традиционно используется в образовательном процессе будущих юристов как пример тавтологии в формулировках правовых понятий. Многими авторами указывалось на присутствие данной ошибки в определениях терминов «вред», «прокурор», «протест», «орган дознания», «суд», «судья». Несмотря на очевидность отмеченного дефекта, законодатель не спешит его устранять, а, напротив, повторяет в конструкциях уже новых дефиниций. Так, в 2011 г. в ст. 6 УПК Республики Беларусь введен п. 46¹, в котором сформулировано определение понятия «требование прокурора» как обязательного к рассмотрению письменного требования начальнику следственного подразделения, начальнику органа дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия. Однако если тавтология достаточно легко идентифицируется и восполняется субъектами правоприменения за счет врожденных рациональных моделей мышления, то другие недостатки дефинирования носят более существенный характер.

Обратим внимание на п. 19 ст. 6 УПК Республики Беларусь, в котором понятие «орган, ведущий уголовный процесс» определяется как орган уголовного преследования и суд. Во-первых, анализируемый термин (*definiendum*) сам по себе структурирован как определяемое слово с действительным причастием, которое используется для обозначения признака предмета по действию и отвечает на вопросы «какой?», «что делающий?». При этом *definiendum* употребляется в форме единственного числа, а определяемое его причастие – в форме настоящего времени. Согласно правилам грамматики и логики это предполагает, что в определении (*definiens*), во-первых, должны быть сведения о каком-то конкретном единственном органе, во-вторых, должна содержаться информация, позволяющая уточнить содержание выражения «ведущий уголовный процесс», и это уточнение должно выделять предмет по признаку совершения им действия. Вместо этого в дефиниции наблюдается указание на орган уголовного преследования и суд, которые по смыслу этого выражения никакого действия не производят и, что самое удивительное, только в одновременной совокупности могут обозначать орган, ведущий уголовный процесс. Это все равно, что выражение «транспорт, выполняющий трансатлантический рейс» определить как самолет и аэроплан. Вместе с тем специалистам известно, что орган, ведущий уголовный процесс, – это не любой орган уголовного преследования и суд, а только тот единственный, который в определенный момент времени уполномочен в предусмотренном законом порядке осуществлять производство по конкретному материалу либо уголовному делу, для чего требуется соответствующее поручение либо постановление. Например, согласно этому правилу ходатайство по уголовному делу вправе разрешить не любой следователь следственного подразделения, а только тот, который ведет по нему производство, для чего ему нужно вынести постановление о принятии уголовного дела к своему производству или указать об этом в постановлении о возбуждении уголовного дела. Получается, что существующее определение термина «орган, ведущий уголовный процесс» содержит как юридический, так и грамматический дефект, а правоприменители пользуются смыслом, который не вытекает из легального определения.

УДК 343.1

А.В. Ковалёв

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З были внесены очередные изменения и дополнения в УПК Республики Беларусь, в соответствии с которыми стадия возбуждения уголовного дела, характеризующаяся Л.В. Головкой как «самый неудачный рудимент советского уголовного процесса», в который раз подверглась «модернизации». Особый интерес вызывают положения, предусматривающие процедуры соединения и выделения заявлений и сообщений о преступлении и материалов проверки по ним (ст. 173¹ УПК Республики Беларусь), а также приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173³ УПК Республики Беларусь).

Ключевой с точки зрения дискуссионности является норма ст. 173³ УПК Республики Беларусь, предусматривающая возможность приостановления и возобновления проведения так называемой доследственной проверки, сроком до трех месяцев при наличии таких оснований, как «неполучение ответа на международный запрос» и «неполучение результатов экспертизы либо проверки финансово-хозяйственной деятельности» (п. 1 и 2 ч. 1. ст. 173³ УПК Республики Беларусь). Следует отметить, что такие категории, как «приостановление» и «возобновление», для уголовного процесса Республики Беларусь не являются новыми и длительное время реализуются в стадии предварительного следствия, чего нельзя сказать о перечне оснований,